

ИДЕЙНОЕ БАНКРОТСТВО СОВРЕМЕННОГО НЕОПРУДОНИЗМА

Н. Е. Застенкер

История научного коммунизма заполнена непримиримой, бескомпромиссной борьбой со всеми разновидностями мелкобуржуазного социализма. В этой борьбе, закалявшей теорию и тактику марксизма, было побеждено и одно из самых распространенных в XIX в. учений мелкобуржуазного социализма — прудонизм. При этом марксисты никогда не были склонны отрицать историческое значение деятелей социализма того времени, в том числе и тех, с кем К. Маркс вел непримиримую борьбу. Их имена, бесспорно, не могут быть вычеркнуты из анналов социалистической мысли. Но не менее бесспорно и то, что имена эти олицетворяют давно перевернутые страницы истории, те ее стадии, когда социалистическое движение наполнялось шумом широкой известности и влиянием эпигонов утопического социализма, которых поднимавшиеся волны рабочего и революционного движения в конце концов выбрасывали одного за другим, как выразился Ф. Меринг, «на берег исторического архива».

Здесь нас немедленно прервут наши идейные противники из сонма современных буржуазных и реформистских историков социализма, и мы услышим их возглас: совершенно ошибочно распространять это утверждение на Прудона, его идеи живут, и они более чем когда-либо актуальны! На это возражение марксистам нельзя походя ответить репликой — вопрос этот действительно заслуживает того, чтобы над ним поразмыслить. Он требует размышлений не потому, что возникает необходимость в пересмотре известных марксовских оценок прудонизма, проверенных и полностью подтвержденных длительным историческим опытом. Финал победоносной борьбы против мелкобуржуазного социализма Прудона К. Маркс и Ф. Энгельс справедливо видели в героической эпопее Парижской коммуны 1871 г., опыт которой засвидетельствовал крах прудоновской социалистической школы и ее влияния на французское рабочее движение. Однако марксистско-ленинская историография должна основательно присмотреться к следующему историческому феномену: ни одно течение домарксовского социализма не оказалось таким живучим, как прудонизм. Со времени Коммуны можно было зафиксировать по крайней мере три более или менее длительных кампании «возврата к Прудону». Такие организованные попытки возрождения прудонизма возникали в виде своеобразных «волн», расхлывшихся по разным направлениям, но в основе имевших нечто общее: назревание и обострение кризиса капитализма, рост притягательной силы и влияния идей марксизма.

Первая прудонистская «волна» поднялась в то время, когда капитализм переходил в высшую стадию своего развития и в недрах его уже начал назревать глубочайший кризис. Именно тогда раздался клич анархо-синдикалистских теоретиков: «Назад, к Прудону!».

Попытка «возрождения Прудона» была повторена в обстановке начавшегося общего кризиса капитализма. Великая Октябрьская социалистическая революция означала величайший триумф марксизма-ленинизма, вызвала революционный подъем в капиталистических странах и повсеместно ускорила рождение революционных пролетарских партий, в том числе и во Франции. Тогда-то обанкротившиеся лидеры анархо-синдикализма и попытались вновь воскресить прудоновские рецепты экономического сотрудничества пролетариата и буржуазии, создавая реформистский неосиндикализм и выработав новые схемы социального мира, имевшие целью отказ пролетариата от революционного ниспровержения капитализма. В этих неосиндикалистских схемах без труда можно было узнать Прудона, и даже представитель могущественнейшего «Комитэ де Форж», ознакомившись с проектом создания Экономического комитета труда, предложенным реформистскими лидерами ВКТ, воскликнул: «Я знаю этот проект, я узнаю его дух, Вы потчуете нас Прудонем!»¹.

Наконец, сразу же после второй мировой войны, перед лицом величайшего триумфа марксизма-ленинизма — возникновения в Европе и Азии новых социалистических государств, громадного роста сил и влияния коммунистического движения и дальнейшего обострения общего кризиса капитализма, когда перед рядом стран Западной Европы и в первую очередь перед Францией открывались перспективы демократического и социалистического развития, — вновь поднялась прудонистская «волна». «Отец анархии» прочно вошел в буржуазную и реформистскую публицистику. Книжный рынок заполнился сочинениями о Прудоне, и вряд ли можно было найти еще имя, по поводу которого и правая и левая буржуазная общественная мысль расточала бы такие дифирамбы. В первой послевоенной большой биографии Прудона маститый французский историк Э. Доллеан констатировал, что «никогда при своей жизни Прудон не знавал такой известности, какой он пользуется сегодня, и такого блестящего ореола»². И все же наиболее наблюдательные из неопрудонистов не обманывали себя. Сравнивая «возврат к Прудону» после первой мировой войны и после второй, они приходили к малоутешительным выводам. Один из самых компетентных неопрудонистов, Ги Гран, провозгласивший еще в 1920 г. «эру Прудона», признавал теперь, что «вторая мировая война не породила аналогичных попыток в рабочих организациях, те же, какие предпринимались, были скорее литературными и философскими, нежели специфически рабочими. Прудонистский дух подрывается притягательной силой марксистского натиска, который все более овладевает массами»³. Наблюдение Ги-Грана довольно метко попадает в интересующую нас цель, позволяя глубже проникнуть в тайну прудонистского «волнообразования». Подтверждая, что лозунг «возврата к Прудону» всегда представляет своеобразную реакцию на растущее влияние марксизма в массах, Ги Гран удостоверил также, что это влияние решающим образом подрывает «прудонистский дух».

Возникает естественный вопрос: почему же буржуазная и реформистская идеологии проявляют в обстановке растущего влияния марксизма постоянную тягу к Прудону? Для ответа на этот вопрос следует припомнить, что история социалистических идей знала не одну попытку под флагом социализма фактически укрепить капитализм на более широкой основе. Из всех таких попыток наиболее значительной был прудонизм, выдвинувший корректирующий идеал буржуазного общества. Конечно, гневная критика капиталистической собственно-

¹ «Proudhon et notre temps». P. 1920, p. XIV.

² Ed. Dolléans. Proudhon. P. 1948, p. 21.

³ Guy-Grand. Pour connaître la pensée de Proudhon. P. 1947, p. VII.

сти у Прудона и весь его бурный «мятеж» против нее несли в себе сильный социальный заряд, направленный против капиталистической эксплуатации труда. Но и эта критика и эта прудоновская «революционность» были обращены лишь против второстепенных способов капиталистической эксплуатации. Прудон, требуя устранения противоположности между капиталистами и рабочими, оставлял неприкосновенной ту почву, на которой эксплуатация зиждется, — частную собственность на средства производства и обмена. Критика капитализма с этих позиций неизбежно вела к утопической конструкции «мелкого капитализма», означавшего, в сущности, «подновление» капитализма с помощью «социалистических» реформ, не разрушающих его фундамента. Не удивительно, что Прудон открывал многообразные возможности поставить утопию мелкобуржуазного капитализма на службу пропаганде, как однажды он выразился сам, «социализма с точки зрения буржуазных интересов»⁴. В прудоновской формуле «социализм с точки зрения буржуазных интересов» и нужно искать ответ на вопрос о причинах настойчивого стремления буржуазной идеологии к воскрешению прудонистских идей. К этому добавлялись и благоприятствующие предпосылки в виду исключительной противоречивости прудоновской теории, соединявшей в себе критику капитализма с умиротворяющим идеалом мелкобуржуазного капитализма таким способом, при котором координатная ось оставалась буржуазной. Здесь в конечном счете можно найти объяснение того, что немецкие искатели прудоновского философского камня окрестили «загадкой Прудона» и что приводило в смятение его французских читателей, взыскательных по части латинской ясности мысли и встретивших у Прудона необычайный сплав: ясность языка и темноту мыслей, как заметил один его современник⁵.

К. Маркс нашел ключ к разгадке этого явления, показав, что крайне противоречивая сущность идей вызывает такую же противоречивость в их обосновании. К. Маркс говорил отнюдь не в насмешку, что Прудон — это «воплощенное общественное противоречие»⁶. Он был этим «противоречием» прежде всего потому, что идеи его служили зеркалом жизненных противоречий и устремлений мелкой буржуазии и проникнутых ее идеологией рабочих ремесленного типа в эпоху промышленного переворота во Франции. К тому же мелкобуржуазная идеология имела перед собой почти обнаженные противоречия буржуазного общества того времени: ничем не ограниченная и ничем не смягченная эксплуатация трудящихся, капитализм свободной конкуренции и всевозможные монополии промышленного и коммерческого «феодализма»; лицемерная доктрина «laissez-faire» и неисчислимые привилегии «финансовой аристократии»; складывание системы национальных буржуазных государств в Европе и их завоевательная политика под флагом национализма. Соответственно обнажались и основные противоречия буржуазной идеологии либерализма, формального демократизма, национализма, кричащие противоречия идей, способ примирения которых — сперва «синтезировать», затем «сбалансировать», уравновесить — и искала мелкобуржуазная мысль Прудона. Поклонники последней ищут сегодня новых дефиниций для противоречивого мировоззрения Прудона и прибегают с его помощью к различным формулировочным мудрствованиям: «идеореализм», «социореализм», «релятивистский реализм» и т. д. За всеми такими замысловатыми определениями прудоновской «синтетической» философии стоит невольное признание ее поразительного эклектизма, который ни-

⁴ P.-J. Proudhon. Correspondance. T. III. P. 1875, p. 97.

⁵ См. P.-J. Proudhon. Lettres au citoyen Rolland. P. 1946, p. 19.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27; стр. 412.

чего не выигрывает, если даже его именуют «принципиальным плюрализмом».

Нас во всем этом вопросе интересует сейчас то обстоятельство, что сложная противоречивость и эклектичность идей Прудона представляла широкие возможности для разъятия их на составные части и одностороннего развития одних частей за счет других, а это, в свою очередь, открывало простор для соблазнительных операций по настройке идей Прудона на любую буржуазную волну. Разве не подтверждают этого неоднократные примеры использования прудоновских идей самими реакционными течениями буржуазной общественной мысли? Едва успели теоретики анархо-синдикализма провозгласить свой «возврат к Прудону», как за него ухватились и другие новоявленные почитатели Прудона. Его подняли на щит монархисты из «Аксён франсез», которые в 1909 г. создали свой «кружок Прудона». Упиваясь выпадами «отца анархии» против демократии и демократического движения масс, его резким осуждением классовой борьбы пролетариата, реакционные публицисты этого направления не замедлили занести Прудона в свой список «мэтров контрреволюции в XIX веке»⁷. Технику такого использования идей Прудона можно уяснить на примере Ж. Сореля, сперва выступившего в роли теоретика революционно-анархосиндикализма, а затем эволюционизировавшего к монархическому «традиционализму» и крайнему национализму. Примечательно, что при всем том Сорель не переставал апеллировать к Прудону и продолжал неизменно клясться его именем. Прудонистский историк Г. Пиру показал, как в ходе эволюции Сореля одни прудоновские идеи оказывались по его воле в тени и на передний план выдвигались другие, наиболее реакционные. «Благодаря новому перераспределению света и теней,— писал Пиру,— Прудон-традиционалист незаметным образом занял место Прудона-синдикалиста...»⁸. Итак, по компетентному свидетельству прудонистского историка, достаточно было лишь изменить освещение, игру света и теней, чтобы, воспользовавшись многоликостью Прудона, радикально изменить его идейный облик.

Мы напоминаем об этом, разумеется, не для того, чтобы предпринимать исследование в области морали. Факты эти имеют более глубокий смысл хотя бы потому, что они обладают свойством повторяться.

После Великой Октябрьской социалистической революции, на первом этапе общего кризиса капитализма, когда отхлынувшая очередная прудонистская «волна» окончательно еще не улеглась, специфические реакционные идеи Прудона нашли новое применение и были взяты на вооружение идеологией фашизма. Они широко использовались в идеологическом походе итальянского фашизма против буржуазной демократии и в фашистских «теориях» корпоративного государства. Подобным же образом Прудон был приспособлен и к целям фашистской реакции во Франции, где его идеи усердно эксплуатировались литературными фашиствующими группировками 30-х годов. Это нашло свое логическое завершение у идеологов вишизма, обратившихся к французскому «национальному социализму» для защитной окраски искомого вишистами «синтеза авторитета и свободы». Ренегаты социализма, предатели рабочего движения во Франции, Спинасс и Фроссар подхватили, как справедливо отметил тогда же М. Торез, реакционные мелкобуржуазные идеи Прудона, чтобы с их помощью оправдать вишистскую «национальную революцию»⁹. Знаменательно и то,

⁷ См. M. L. Dimier. Les maitres de la contre-revolution au XIX siècle. P. 1907. pp. 280—291.

⁸ G. Piou. Interprétations récentes de Proudhon, p. 22.

⁹ См. М. Торез. Избранные произведения. Т. I. М. 1959, стр. 512—513. Не случайно вишистская «Национальная школа кадров» в своем учебном плане отводила целую неделю на изучение трех «мастеров французской политики», среди которых в

что подобные поползновения не были чужды даже некоторым группировкам немецкого фашизма. Еще в 1925 г. один из глашатаев тогдашнего «народного движения», В. Шульц, рассказав в связи с уроками инфляции 1923 г. об опыте фирмы Круппа, выпускавшей «угольные деньги», завершил излияние восторгов по поводу крупповского эксперимента красноречивым призывом: «Прочь от Маркса, назад к Прудону!»¹⁰. Не удивительно, что в последующие годы этот же автор объявлял Прудона социалистом, который стоит ближе всего к «народному движению» по своей экономической программе¹¹.

Конечно, мы привели эти примеры не затем, чтобы согласиться с беззастенчивым изображением Прудона «предвестником фашизма», что характерно для некоторой части буржуазной и реформистской историографии¹². Но признаем, что история, когда она настойчиво повторяет и окарикатуривает свои явления, раскрывает этим всего яснее их сущность. В данном случае история засвидетельствовала поразительную возможность ассимиляции прудонистских идей в новой исторической обстановке, вписывания их в искаженном виде в реакционнейшие буржуазные концепции. Запомним это и обратимся к сегодняшнему дню, когда вырисовывается стремление открыть очередную кампанию возврата к Прудону. Отметим, что если прежние подобные кампании развертывались в зонах традиционного анархистского влияния — во Франции, романских странах и странах Латинской Америки, — то ныне можно причислить сюда, кроме Бельгии и Голландии, также и ФРГ, где заметно усилились «ученые» исследования Прудона и где нет недостатка в христианско-социальных и социал-демократических сочинениях, пытающихся доказать актуальность его идей в условиях западногерманской действительности¹³. Новейшая кампания «возврата к Прудону» является непосредственной реакцией на новую историческую обстановку, характеризующуюся прежде всего громадными успехами социализма и коммунистического движения.

Полувековой опыт Великой Октябрьской социалистической революции, пример других социалистических стран продемонстрировали неоспоримое преимущество социализма перед капитализмом. Гигантски возросла притягательная сила социалистических и коммунистических идей во всем мире. В своем победоносном движении вперед социализм и коммунистическое движение подошли к новому историческому рубежу. Новая обстановка создалась и в странах высокоразвитого капитализма, где всесторонне обрисовались и оформились характерные черты государственно-монополистического капитализма с его повседневной практикой государственного регулирования капиталистической экономики, с попытками ее ограниченного планирования, «программирования». Произошли важные сдвиги в расстановке классово-политических сил, ведущие к сплочению под руководством рабочего класса, крестьянства, городских средних слоев и некоторых прослоек буржуазии в едином антимонаполистическом фронте. Идут поиски но-

компания с Пегги и Моррасом оказался и Прудон (см. E. Weber. *Action française: Royalism and Reaction in the Twentieth Century France*. Stanford. 1962, p. 445).

¹⁰ См. «Deutschlands Erneuerung. Monatsschrift für das deutsche Volk», XXIII. Jahrgang, 1939, S. 21.

¹¹ W. Schulz. Proudhon. «Hammer-Blätter für deutschen Sinn». Leipzig. Mai 1931, S. 115.

¹² См. например, «Annuaire 1928 du Centre international d'études sur le fascisme». Bruxelles. 1929; J. Salwyn Schapiro. Pierre Joseph Proudhon—Harbinger of Fascism. «American Historical Review». 1945, pp. 717—735.

¹³ См., например, W. Richter. Proudhons Bedeutung für die Gegenwart. «Veröffentlichungen der Gesellschaft für internationalen Wissenschaftsgeschichte». Bremen. Hf. 2. o. J.; E. Thier. Marx und Proudhon. «Schriften der evangelischen Studiengemeinschaft». Marxismusstudien, zweite Folge. Tübingen. 1957; P. Heintz. Die Autoritätsproblematik bei Proudhon. Köln. 1956.

вых форм борьбы за социализм. Исключительно важное значение приобрело растущее стремление трудящихся установить свой контроль над действиями монополистического капитала; требование дальнейшей национализации ключевых отраслей промышленности и создания демократического контроля в управлении национализированными отраслями хозяйства, борьба за установление контроля рабочего класса над политикой монополистических объединений и их предприятий в области капиталовложений и технической политики, в подготовке и регулировании рабочей силы на предприятиях. Мы можем ограничиться этими общими замечаниями, чтобы оттенить характерные черты современной борьбы буржуазной идеологии против социалистической. В этой борьбе буржуазная идеология учитывает уроки своих многочисленных поражений, заметно перестраивается и проявляет повышенную гибкость. Она оберегает арсенал традиционных аргументов антикоммунизма и охотно повторяет лобовые атаки против социализма. В то же время в странах высокоразвитого капитализма все настойчивее ведется наступление буржуазной идеологии на социализм «с тыла», когда антикоммунизм облачается в новые доспехи и наводит идеологические мосты для «интегрирования» рабочего класса в капиталистическую систему с помощью новых форм «сотрудничества труда и капитала», расширения социального законодательства, «участия в доходах». Вот почему буржуазная идеология не может отказаться от соблазна использовать в этих целях прудонизм с его внешними приметам социализма. При этом учитываются и сохраняющаяся возможность мелкобуржуазных колебаний и реакционных шараханий у средних слоев населения, и наличие питательной среды для новых реформистских иллюзий у тех пролетарских слоев, в ряды которых вливаются все новые пополнения из разоряющейся мелкой буржуазии, из пролетаризированных категорий интеллигенции и служащих.

Однако для нового противопоставления Прудона К. Марксу уже непригодны классические догмы прудонистской теории. В мире идет неудержимый процесс обобществления экономики, и ныне становятся безнадежными попытки возродить вековые иллюзии мелкого собственника и хозяйчика, мировосприятие обособленного одиночки с его гимнами трудовой частной собственности как оплоту свободы и независимости человека, с его проповедью превосходства мелкого производства над крупным. Еще более безнадежно повторять реакционные вопли Прудона против всех форм классового рабочего движения, против стачек и рабочих коалиций. Не меньшим анахронизмом оказываются тезисы Прудона, отрицающие политическую борьбу, его анархистская концепция «социальной ликвидации» и уничтожения государства. Нетрудно представить себе, как выглядели бы мелкобуржуазные анархические идеалы Прудона в панораме современного капитализма, на фоне гигантской концентрации производства и капитала, переплетающегося с буржуазным государством; как выглядели бы они на фоне современного рабочего движения, тесно связывающего экономическую борьбу с политической, политизирующего «мастерскую». Несомненная девальвация ценностей прудонистского катехизиса вынуждает его adeptов заняться реконструкцией идей Прудона, усиленной модернизацией их. Сама по себе операция такого рода в истории идеологий не представляет чего-либо необычного и встречается не так уж редко. Но та же история показывает, что приспособлять к современности можно без грубого насилия идеи мыслителя лишь в том случае, если мысль его действительно устремлялась вперед, если она угадывала, хотя бы в контурах, будущее развитие. Если же, как в случае с Прудоном, идеи, выросшие в обстановке его века, не доросли до нашего времени, такая адаптация невозможна без самой насильствен-

ной перелицовки этих идей. В этом легко убедиться, если познакомиться с новейшим истолкованием идей «отца анархии».

Характерный пример представляет Ж. Банкаль, прудонист младшего поколения, старающийся исправить «ошибку» прежних поколений прудонистов, не отстаивавших экономические идеи Прудона от сокрушительной марксовской критики. Признавая молчаливо, а иногда и вслух, непровержимость этой критики, такие прудонисты выдвигали на первый план морально-философские конструкции Прудона. Банкаль, напротив, хочет представить именно экономические воззрения Прудона как вершину его мысли и спасительную основу всего прудонистского учения. Он старается придать этим воззрениям Прудона характер цельной, последовательной экономической теории, которую и следует возвести в философский ранг. Банкаль конструирует с помощью цитат из Прудона (перемешанных с полным пренебрежением хронологическим принципом) теорию «социоэкономии», покоящейся на концепции некоего «исторического трудовизма». Об уровне этой «социоэкономии» читатель предупреждается в первых же строках его исследования: «Творение Маркса имело своей основой историю и материю, творение Прудона имело своей основой экономическую науку и труд»¹⁴. Такая «глубокомысленная» сентенция вряд ли нуждается в комментировании. Можно поэтому ограничиться общим замечанием, что к этой «социоэкономии» полностью относится все, что писал К. Маркс в «Ницше философии» относительно увековечивания Прудонем категорий товарного и капиталистического производства. Как и его учитель, Банкаль по существу внеисторически воспринимает процесс развития разделения труда и порождаемый им обмен товаров, воскрешает умозрительные схемы Прудона, подменявшие действительный исторический процесс надуманной логической последовательностью экономических категорий. Как и его учитель, Банкаль не может понять, что «на формулах в исторической науке далеко не уедешь»¹⁵ и что это предупреждение К. Маркса распространяется и на экономическую науку.

Но никак нельзя пройти мимо построений Банкаля о том строе «промышленной демократии», видение которого он приписывает Прудону. Согласно Банкалю, прудоновская «социоэкономия» и его «исторический трудовизм» вели к совершенно реалистическому конкретному решению проблемы общественного переустройства. Лишь превратности жизни и преждевременная смерть помешали Прудону по определенной системе и подробно изложить это решение, которое выглядело бы следующим образом: во всей промышленности воцарится строй рабочих компаний — производительных ассоциаций, объединенных между собой в федерации; в сельском хозяйстве останутся индивидуальные хозяйства тех крестьян, которые обрабатывают землю, однако и они будут фактически социализированы, так как все крестьяне войдут в сельские общины, а последние объединятся в национальном масштабе и осуществят перераспределение дифференциальной ренты и выравнивание доходности от всех видов почвы; область потребления и сфера услуг станут кооперативным царством, состоящим из потребительских кооперативов и промысловых ассоциаций, объединяющих всех занятых в этой сфере работников. Социальная структура, к которой ведет прудоновская «социоэкономия», представляется Банкалю весьма последовательной. «Экономически эта структура, в особенности по своей промышленной организации, по-видимому, порою вплотную соприкасается с границами федеративного коммунизма, решительно аполитического и внегосударственного». За этой

¹⁴ J. Banca. La socio-économie de Proudhon. «Cahiers de L'Institut de Science Economique Appliquée». № 172. Série M 23. Avril 1966, p. 3.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 154.

замысловатой формулировкой скрывается намерение Банкаля показать «глубоко оригинальное» решение прудоновской «социоэкономией» основного вопроса современности, стремление, дающее возможность «сразу определить место того третьего мира, создание которого, по всем скрещивающимся направлениям, обнаруживал исторический трудовизм Прудона»¹⁶.

«Оригинальную» сторону рассуждений Банкаля можно, конечно, найти, но не в удручающей банальности его прудонистских иллюзий о «третьем мире», а в том, что этот «третий мир» Прудона, который и сам он и его последователи обычно старались изобразить находящимся на равновеликом расстоянии и от капиталистического и от коммунистического миров, на сей раз передвинут далеко влево и гримируется под коммунизм. Прудоновский «третий мир» сближается у Банкаля с коммунизмом, то есть с тем, что прямо противоположно учению Прудона. На брюссельском международном прудонистском конгрессе 1965 г., посвященном проблеме «актуальности Прудона», Банкаль в своем докладе акцентировал направленность идей Прудона против «авторитарного коммунизма», но оговаривал, что Прудон вовсе не имел в виду «осуждать коммунизм на основе самоуправления». Еще старательнее он подчеркивал ту же мысль в заключительном слове: «Прудон нисколько не критикует самоуправление коммунистического типа, различающее общество политическое и общество экономическое»¹⁷. Причесанный таким образом под «антиавторитарного прокоммуниста», Прудон, естественно, не должен подозреваться в сколь угодно стойком и зломном анархизме. И Банкаль изображает анархизм Прудона явлением наносным, конъюнктурным, мимолетным, не имевшим глубоких корней в его мировоззрении. Для этого он предлагает «взять за скобки» период оформления наиболее зрелой анархистской теории Прудона — 1848—1852 годы. «В течение четырех лет,— читаем у Банкаля,— из его 35-летнего писательского периода и в двух книгах из общего числа 38 (в «Общей идее революции» и в «Исповеди революционера») Прудон, будучи весь во власти разочарования, вызванного у него поражением революции 1848 г. и возвышением принца-президента, отдается тактической полемике, в которой он утверждает, что намерен заменить правительство экономическим обществом. Но с 1853 г., в «Руководстве биржевого спекулянта», он возвращается на реалистическую позицию, которую с самого начала утверждал и которую сохранил до своей смерти. Политическое тело (общества.— Н. З.) и тело экономическое являются двумя реальностями, автономными и солидарными, «двумя полюсами» общества национального и интернационального. Они должны быть диалектически «уравновешены». Это «уравновешивание» будет состоять в том, что, по мысли Прудона, государство при строе «промышленной демократии» и федеративной собственности будет выступать арбитром, поощрителем и инициатором, стимулирующим экономический прогресс и охраняющим автономность экономического общества. Роль государства — «уведомлять, поощрять и затем — воздержаться»¹⁸.

Еще дальше Банкаля в этом вопросе заходил патриарх реконструируемого неопрудонизма, известный французский социолог Ж. Гурвич, занимавшийся до самой смерти (в 1965 г.) философско-социологическими идеями Прудона и провозгласивший его одним из основателей современной социологии. Разрабатывая эклектическую, но вполне идеа-

¹⁶ J. Banca l. Op. cit., p. 121.

¹⁷ «Centre National d'Etude des Problèmes de Sociologie et d'Economie Européennes. L'actualité de Proudhon. Colloque des 24 et 25 novembre 1965». Bruxelles. 1967, pp. 43, 46 (далее: «L'actualité de Proudhon»).

¹⁸ J. Banca l. Op. cit., pp. 122, 128.

листическую концепцию прудоновского «идеореализма», Гурвич выговаривал Прудону за недостаточную последовательность релятивистской мысли, за некий догматический уклон в ней и нехватку «чувства относительности», за преувеличенную веру Прудона в возможность примирения противоречий. Свой вариант усовершенствованного прудонизма Гурвич наполнил релятивистским философствованием, с упором на социальный плюрализм, на множественность возможных решений социальных вопросов, на неизбежность общественных противоречий. Все это не помешало ему проделать с Прудонем поразительную трансформацию весьма определенного свойства — превратить его в «пролетарского революционера», который-де олицетворяет научный социализм ничуть не меньше К. Маркса¹⁹. Что же касается основных реформаторских идей мелкобуржуазного социализма Прудона — безденежный обмен, беспроцентный кредит, анархистская «социальная ликвидация», — все это Гурвич объявляет плодом еще незрелой мысли Прудона. Притом, уверяет он, «если Прудон и говорил об анархии, то он никоим образом не был анархистом»²⁰. Зрелой мысль Прудона стала лишь в годы второй империи, когда Прудон «возвратился на революционные позиции» и разработал программу «промышленной демократии», децентрализованного коллективизма и «рабочего самоуправления», наделенных вполне социалистическими чертами и опирающихся на федеративную общественную собственность на средства производства. Последние принадлежат одновременно и каждому трудящемуся и производительным ассоциациям и их федерациям, локальным органам и обществу в целом, от имени которого федерация сельскохозяйственных и промышленных ассоциаций занимается планированием и стимулированием общественной экономики. Что же касается средств осуществления этой программы, то «пролетарский революционер» Прудон, оказывается, приходил к концу своей жизни к таким же решениям, что и К. Маркс: он также уповал на социалистическую революцию и завоевание политической власти рабочим классом. Более того, утверждает Гурвич, «нет ничего удивительного в том, что, несмотря на все расхождения их во взглядах, Прудон приближается к идее Маркса о диктатуре пролетариата». Гурвич пытается доказывать даже, будто бы Прудон был кое в чем революционнее К. Маркса: он без оглядок звал пролетариат на революцию, низвергающую капитализм, и реалистичнее, чем Маркс, решал вопрос о государстве. В то время, как К. Маркс «до конца своих дней верил в то, что государство исчезнет в конце концов во второй фазе коллективистского общества», Прудон «искал равновесия между экономической и обновленной политической демократией. В период своей зрелости Прудон показывал себя неожиданным образом большим реалистом, чем Маркс»²¹.

Этот поистине неожиданный «реализм» Прудона Гурвич хочет вывести из сокровенных глубин его мировоззрения. Все дело, оказывается, в том, что К. Маркс верил в возможность решения социальных противоречий с помощью «синтеза», осуществленного в результате победы пролетариата над буржуазией и создания нового способа производства, тогда как прудоновская диалектика отвергала идею синтеза и полагалась на возможность бесконечного разнообразия опыта, причем, подчеркивает Гурвич, она «не ограничивает, подобно марксистскому «синтезу», этот опыт определившимся историческим процессом, направление которого уже известно»²². Последняя мысль весьма

¹⁹ G. Gurvitch. Proudhon et Marx: une confrontation. P. 1964, pp. 26, 55; eju s d. Proudhon. P. 1965, p. 50.

²⁰ «L'actualité de Proudhon», p. 107.

²¹ G. Gurvitch. Proudhon et Marx, p. 72.

²² Ibid., p. 54.

характерна для неопрудонизма наших дней. Он не может и не хочет исходить из определившегося направления исторического развития, из познания реального исторического опыта, а предпочитает опереться на «опыт» неведомый, которого нет и относительно которого, следовательно, вольготно гадать на кофейной гуще. Но такое гадание всегда ведет к поискам опоры в историческом мифотворчестве. Это отчетливо дает себя знать, как только Гурвич переходит к прудоновской идее «рабочего самоуправления» и объявляет ее «лучшим осуществлением всех устремлений Прудона»²³. Здесь композиции Гурвича оставляют за собой позади все, что мы слышали от него до сих пор. Так, мы узнаем, что революционное рабочее движение развивалось повсеместно «по Прудону» и его идея «рабочего самоуправления» постепенно покоряла пролетариат всех стран. Оказывается, именно эта идея легла в основу русских Советов и именно ее влияние отчетливо проявилось в ходе Октябрьской революции, когда в Советской России «низовые советы на предприятиях брали в свои руки власть и осуществляли рабочее самоуправление»²⁴. Более того. В советской идее В. И. Ленина, настойчиво уверяет Гурвич, якобы сказывалось прудонистское влияние, и если бы К. Маркс дожил до создания низовых советов в первые годы Октябрьской революции, он должен был бы аплодировать Прудону²⁵.

Несомненно, даже самая мягкая критика подобных построений Гурвича не может обойтись без слов о фальсификации истории. Великая революционная идея Советов рабочих депутатов и осуществление рабочего контроля на предприятиях после перехода власти в руки Советов не имеют ничего общего с реформистскими схемами Прудона о «рабочем самоуправлении», основанном на сотрудничестве пролетариата и буржуазии. Не говоря уже об исторических фантазиях Гурвича насчет значительного влияния прудонистских идей на русское революционное движение, никакая дряблая реформистская концепция «рабочего самоуправления» не помогла бы В. И. Ленину проникнуть в сущность, характер и историческое значение Советов рабочих депутатов. Помочь этому могло не искаленное капитализмом буржуазное сознание Прудона, а научное понимание истории К. Маркса. Задолго до реформистской доктрины Прудона о «рабочем самоуправлении» К. Маркс установил, что самодетельность революционных масс является законом их борьбы и создает во всякой народной революции новые органы революционного действия, могущие превратиться в зародыши революционной власти. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что Советская власть в России шла «по пути, указанному всем опытом величайших народных революций во всем мире. Не было ни одной революции, в которой трудящиеся массы не начинали бы делать шаги по этому пути, чтобы создать новую государственную власть»²⁶. Только такое глубокое понимание истории и опыта всех революций, особенно бессмертного опыта Парижской коммуны 1871 г., вооружило ленинскую мысль, всегда проникающую в глубь явлений, гениальной исторической дальновзоркостью и дало ему возможность распознать величайшую революционную самостоятельность масс в Советах рабочих депутатов, которые создавались в России еще в 1905 г. революционным путем, коренным образом отличным от путей всякого мелкобуржуазного реформаторства. В 1917 г. и Советы рабочих депутатов и рабочий контроль были органами классовой борьбы пролетариата, органами социалистической революции и диктатуры пролетариата. Вве-

²³ Ibid., p. 63.

²⁴ Ibid., p. 143; G. Gurvitch. Proudhon, p. 70; «L'actualité de Proudhon», p. 96.

²⁵ G. Gurvitch. Proudhon et Marx, p. 12; e jus d. Proudhon, p. 70.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 271.

денный декретом Великой Октябрьской социалистической революции рабочий контроль на предприятиях, осуществлявшийся выборными фабрично-заводскими комитетами, советами старост предприятий и т. д., был ответом Советской власти на саботаж фабрикантов и заводчиков и вместе с тем создавал организационные ячейки строительства новой, социалистической общественной и государственной жизни, подготавливая последующую социалистическую национализацию промышленности. Мы много раз слышали, как неопрудонисты клялись Великой Октябрьскую социалистическую революцию, не скупясь на самые хлесткие выражения из антиреволюционного и антикоммунистического запаса Прудона. Теперь, как видим, прудонистским мыслям дан несколько иной поворот, и неопрудонисты не прочь приобщиться к величию и славе победоносной социалистической революции, хотя бы в ее первые годы.

Прием переодевания Прудона для приобщения его к успехам современного рабочего движения и социализма повторяется и в большом и в малом. Гурвич не выделяется этим в кругу современных неопрудонистов. Точно так же поступает Банкаль, когда стремится записать в актив прудонизма вырванные пролетариатом у буржуазии уступки, например, завоеванную французскими рабочими в годы Народного фронта систему коллективных договоров на предприятиях. Он пытается доказать, будто коллективные договоры являются практическим выражением прудоновской теории «экономического права» и служат юридическим оформлением открытого Прудоним имманентного «социального права», эгалитарного и демократического, ибо такие договоры заключают равные с равными. Ввиду этого «практика коллективных договоров, родившихся начиная с 1936 г. находит свое происхождение в прудонистской мысли»²⁷. Но, утверждая это, Банкаль должен был умолчать о том, что лишь в результате громадного подъема классовой борьбы пролетариата, почти всеобщей стачки и захвата фабрик и заводов — словом, организации народного фронта борьбы с фашизмом и империалистической реакцией, было подписано французскими предпринимателями в 1936 г. соглашение о коллективных договорах. Эти упрямые факты ведут к совсем иному выводу: чтобы реализовать свое «экономическое» и «социальное» право, рабочий класс должен действовать «не по Прудону», а вопреки Прудону, он должен действовать «по Марксу».

Неопрудонистский синклит, включая и ренегатов коммунизма, поднимает шумиху вокруг прудоновских идей «рабочего самоуправления», пытаясь представить их великим открытием Прудона, сулящим прудонизацию современного рабочего движения. Профессор М. Горелый из брюссельского «Свободного университета» говорил на международном прудонистском коллоквиуме 1965 г., что если в прошлом влияние Прудона падало в связи с усилением процесса индустриализации и пролетаризации, то теперь прудонизм якобы вновь приобретает притягательную силу на почве роста квалификации рабочего класса и его желания участвовать в решении экономических вопросов на всех стадиях²⁸. Докладчик на брюссельском коллоквиуме по вопросу о «рабочем самоуправлении» небезызвестный троцкистствующий бакунист Д. Герен доказывал, что, в отличие от Прудона, К. Маркс-де очень редко, мало и слишком общо говорил о рабочих ассоциациях, а поэтому «те из наших современников», которые обращаются к этой проблеме, «извлекают гораздо больше пользы из трудов Прудона, чем из трудов Маркса»²⁹. Марксистам не составляет труда разрушить это построение, сложенное из старых и новых прудонистских легенд. Историками

²⁷ J. Bancal. Op. cit., p. 93.

²⁸ «L'actualité de Proudhon», p. 111.

²⁹ Ibid., p. 68.

рабочего движения и социализма еще в должной мере не оценено огромное историческое и научное значение марксовых идей о производительных рабочих ассоциациях. Как и во всех великих идеях социализма, К. Маркс сказал здесь новое научное слово, значение которого невозможно переоценить. Идеи производительных ассоциаций, возникшие в начале XIX в. и пропагандировавшиеся многочисленными течениями утопического социализма и коммунизма, были одними из самых распространенных в тогдашнем рабочем движении и многие десятилетия довлели над ним. Эти идеи во многом выражали социалистические устремления пролетариата, но вместе с тем они свидетельствовали и о его незрелых представлениях об общественном строе, который должен прийти на смену капитализму; они носили печать тех исторических условий, в которых формировался тогда новый общественный, социалистический и коммунистический идеал.

К. Маркс видел в пролетарской производственной кооперации одну из сил, способных преобразовать капиталистическое общество. Он был единственным, кто увидел в «кооперативных фабриках», созданных рабочими, весьма значительную «победу политической экономии труда над политической экономией собственности», доказательство рабочими не на словах, а на деле того, что «производство в крупных размерах и ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев» и что капиталистическая система наемного труда «должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с готовностью и воодушевлением»³⁰. Не менее важно отметить, что К. Маркс был единственным, кто нашел ответ на труднейший вопрос, как добиться того безусловного единства воли, которое должно направить совместную деятельность десятков, сотен и тысяч людей ассоциированного труда. Эта необходимость единства воли, как указывал В. И. Ленин, «всеми думавшими о социализме всегда признавалась как его условие», ибо «и технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна»³¹. Однако решить этот центральный вопрос оказалось непосильным для представителей «ассоциационистского социализма», и он явился для всех них камнем преткновения.

К. Маркс еще в ходе революции 1848 г., когда Прудон выступал злейшим противником производительных ассоциаций и противопоставлял им свою утопическую ассоциацию мютюэлистского обмена и кредита, сформулировал единственно правильное, научное решение этого вопроса. К. Маркс показал, что животворный принцип ассоциации и сотрудничества производителей может найти свое осуществление лишь в условиях превращения средств производства всего общества в орудие свободного ассоциированного труда, а это предполагает владение средствами производства не отдельных раздробленных ассоциаций, а присвоение средств производства всем пролетариатом, «подчинение их ассоциированному рабочему классу»³². Здесь впервые К. Марксом было сформулировано положение, «которым современный рабочий социализм резко отличается как от всех разновидностей феодального, буржуазного, мелкобуржуазного и т. д. социализма, так и от туманной «общности имущества», выдвигавшейся утопическим и стихийным рабочим коммунизмом»³³. Напомним также, что еще в то время, когда прудонизм пользовался значительным влиянием в рабочем движении ряда стран, Женевский конгресс I Интернационала принял в качестве своей резолюции составленную

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 9; см. также стр. 199.

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 200.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 40.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 532.

именно К. Марксом инструкцию делегатам временного Центрального Совета Международного Товарищества Рабочих, в которой говорилось о замене «деспотической и порождающей пауперизм системы подчинения труда капиталу — республиканской и благотворной системой ассоциации свободных и равных производителей» и при этом подчеркивалось: «Для того, чтобы превратить общественное производство в единую, обширную и гармоническую систему свободного кооперативного труда, необходимы общие социальные изменения, изменения основ общественного строя, которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям»³⁴. Последующий столетний исторический опыт рабочего движения, весь многообразный опыт строительства социализма во многих странах со всех сторон подтвердил эту руководящую идею К. Маркса относительно принципов производительной ассоциации и рабочего самоуправления, идею, которую Ф. Энгельс однажды разъяснил А. Бебелю следующими словами: «Дело должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом»³⁵.

Теперь посмотрим, что обнаруживается по этому вопросу у Прудона. Идеи «промышленной демократии» были впервые высказаны им в общих чертах в конце 1856 г. в третьем издании его «Руководства биржевого спекулянта». Эти новые идеи возникли у Прудона в период, когда во Франции завершался промышленный переворот и обозначилось полное торжество крупного капитала, когда в обстановке второй империи в стране выросла новая «финансовая аристократия», царствование которой сопровождалось разгулом биржевого ажиотажа. Прудон не мог не видеть этих новых зловещих черт капитализма, опрокидывавших все его упования. Он тревожно вглядывался в них, задумываясь над тем, что они несут с собой. Но мелкобуржуазный реформатор по-прежнему смотрел в будущее глазами, прикованными к прошлому, к вожделенному строю самостоятельных мелких производителей-собственников. Ход мыслей Прудона был таков. Строй промышленности и сельского хозяйства переживает полную революцию. Происходят громадная концентрация капитала, слияние промышленных компаний, разорение мелких предприятий и обнищание мелких производителей, подрыв и разрушение уважения к собственности. Создаются анонимные акционерные общества, образуется предсказанный Фурье «промышленный феодализм», соединяющий в себе все пороки промышленной анархии и промышленной монополии, общество движется к «промышленной империи». Преодолеть это бедствие и найти из него выход возможно, лишь признав неизбежность принципа ассоциации. Это «фатальная неизбежность», и проблема заключается в том, как соединить принцип ассоциации с сохранением свободы производителя и человека. «Все ассоциированы и все свободны, — такова проблема». Необходимо исследовать и найти такую форму ассоциации, которая решила бы эту главную проблему исторического прогресса. Вся беда в том, считал Прудон, что «не найдена формула договора, общественного договора, — вот в чем все зло»³⁶.

В поисках этой «формулы» Прудон уделил много внимания опыту рабочих производительных ассоциаций, еще сохранившихся кое-

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 199.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 361.

³⁶ P.-J. Proudhon. Manuel du spéculateur à la bourse. Cinquième édition entièrement réfondue et notablement augmentée. P. 1857, pp. 204, 212.

где во Франции от времен революции 1848 г., но давно дышавших на ладан. Он критикует мизерную практику этих ассоциаций и вместе с тем высказывает им похвалу за воспитание в рабочих мютюэлистских добродетелей, смысл которых достаточно подчеркивался тем, что Прудон ставил парижских рабочих — членов производительных ассоциаций — в пример английским рабочим, прибегающим к «бесполезным стачкам». В сугубо реформистской направленности рабочих ассоциаций, противопоставляемых классовому движению пролетариата, Прудон находил обнадеживающие признаки того, что через все бедствия «промышленного феодализма» и «промышленной империи» общество движется к «промышленной демократии». Он видел свою задачу в том, чтобы исследовать и раскрыть принципы той «промышленной демократии», которой принадлежит будущее. Но как подходил Прудон к этой проблеме? Он провозглашал: «Отправным пунктом такого исследования должна быть, по нашему мнению, следующая аксиома: чем менее ассоциирован человек, тем он более счастлив. Раздробление ассоциации на самые маленькие, самые независимые одна от другой, какие только возможно, группы — вот принцип свободы. Это также принцип экономии и дешевизны»³⁷.

Как и тогда, когда Прудон выступал злейшим противником производительных ассоциаций, так и теперь он доказывал, что ошибочно думать, будто централизация руководства и объединение под этим руководством разрозненных до того предприятий поведут к снижению общих издержек. Свою мысль Прудон иллюстрировал конкретным примером удовлетворяющего его решения данного вопроса. Он избрал для проведения децентрализации ту отрасль хозяйства, которую он считал организованной «наиболее правительственным после самого правительства образом, — железную дорогу»³⁸. Относительно службы пути железнодорожная компания составляет программу своих требований и объявляет конкурсную сдачу с торгов этих работ. Работники службы пути, объединившись в ассоциацию, берут на себя все эти работы и заключают концессионный договор с компанией. Отныне последняя больше не занимается этим вопросом, следовательно, отпадает необходимость в центральной администрации службы пути. То же самое происходит со службой тяги: ассоциация рабочих-механиков берет с торгов эту работу на себя, и железнодорожной компании остается лишь контролировать выполнение ее требований. Ремонт паровозов и вагонов берет на себя другая ассоциация механиков, а транспортировкой грузов занимаются в порядке свободной конкуренции обычные транспортные конторы. После всего этого железнодорожной компании остается лишь оповещать пассажиров о расписании движения поездов и о железнодорожных тарифах за проезд и перевозку грузов. О том, как далек был Прудон от понимания необходимых условий и требований крупного промышленного производства и основанного на нем народного хозяйства, красноречиво говорит весь следовавший за этой схемой комментарий. Вот это место, тщательно замалчиваемое современными апологетами прудонистской «промышленной демократии»: «Что же имеется общего между этими четырьмя отраслями индустрии, какие мы только что обозначали? Абсолютно ничего. Дорожникам нет никакой надобности вникать в дела механиков, а последним — в дела работников грузовой службы. Служба тяги совершенно отделена и никак не связана с работами ремонтников. Зачем же нужна еще администрация, сгибающая под общее ярмо все эти различные виды труда, без всякого улучшения их служ-

³⁷ Ibid., p. 213.

³⁸ Ibid.

бы и, наоборот, с большой потерей средств и сил?»³⁹. Стремление Прудона к максимальному раздроблению крупной индустрии с помощью рабочих производительных ассоциаций находило свое законченное выражение в следующем абзаце: «Каждое отдельное сообщество (имеется в виду рабочая ассоциация. — Н. З.) может теперь аналогичным образом расщепить себя, так что индивидуум, как и сама компания, имел бы совершенно определенное задание, выполнение которого он гарантирует на свой страх и риск»⁴⁰.

Итак, Прудон хотел построить производительную рабочую ассоциацию как совокупность фактически самостоятельных, объединяемых договорными отношениями работников, сохраняющих предпринимательскую инициативу и не только действующих «на свой страх и риск», но и вознаграждающихся соответственным образом. Таков был идеал «промышленной демократии» Прудона, и таков был смысл его производительных ассоциаций. Их необходимость в виду «фатального» хода экономического развития Прудон признавал вынужденно, не принимая внутренних требований исторического развития, а, по существу, протесту против них. Поэтому представления Прудона о «промышленной демократии» были пронизаны характерными для него противоречиями. Даже тогда, когда он начинал понимать неодолимость исторического процесса, ведущего к торжеству крупного, концентрированного машинного производства, он не переставал обдумывать возможные пути фактического сохранения индивидуального предпринимательства. Он создавал новую мелкобуржуазную утопию «промышленной демократии», органически связанную со всеми основами его мировоззрения. Такой же утопией, проникнутой представлениями и помыслами мелкого хозяйчика, поневоле ставшего работником крупной индустрии, явилась и прудоновская производительная ассоциация как самоуправляющаяся ячейка «промышленной демократии». Ассоциация такого рода фактически выглядела как коллективное крупное и мелкое предпринимательство. Иное решение вопроса, исходящее из признания необходимости крупного общественного производства, основанного на руководстве объединенным и кооперированным трудом народных масс, Прудон отвергал, и отвергал в обоих аспектах, не только как крупное капиталистическое предприятие, но и как крупное социалистическое предприятие, выдвигая против них одно и то же обвинение... в коммунизме. Этот «коммунистический принцип» Прудон видел в том, что «в делах хозяйственных, как и в политике, хотят централизации администрации, во что бы то ни стало хотят власти»⁴¹.

Эти слова и мысли Прудона следует напомнить тем, кто обряжает теоретика мелкобуржуазного социализма в тогу глашатая якобы ассоциационистского научного социализма, тогда как он был решительно не способен выдвинуть конструктивный принцип нового общества. Никакое переодевание не изменит того факта, что в прудоновской «промышленной демократии» отсутствует коренной признак социализма — переход главных средств производства в руки общества, обобществление главных экономических рычагов. Без этого может получиться лишь тысяча первая разновидность коллективной частной собственности, тот вид ассоциации, в котором К. Маркс давно распознал отказ от мысли произвести революционный переворот в старом мире, обреченную на неудачу попытку рабочих «осуществить свое освобождение за спиной общества, частным путем, в пределах ограниченных условий своего существования...»⁴². В сущности, прудонизм и выдвигает идеи

³⁹ Ibid., p. 214.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 126—127.

такой «промышленной демократии» буржуазного типа, в то время как марксизм-ленинизм собирает трудящиеся массы под знаменем борьбы за антикапиталистическую промышленную демократию, создание которой возможно лишь в борьбе против монополистического капитала и его государства.

Обратимся теперь к тому вопросу, который ныне собирает Прудону наибольшее число новообращенных адептов. В первую очередь об этом усердно заботятся глашатаи современной капиталистической пан-Европы в ее федеративных вариантах. В их многоголосой литературе вырисовывается забавная картина борьбы за «федеративный принцип» Прудона⁴³ между многими течениями буржуазного европейского федерализма — от апологетов Европы «общего рынка» и сторонников надстройки «супернациональных» органов законодательной и исполнительной власти над «малой Европой» до сочинителей космополитических проектов слияния капиталистической Европы в «Конфедерацию федераций» с региональным раздроблением ее национальных государств. Все они наперебой тянут Прудона к себе, спешат зачислить своим теоретиком или, во всяком случае, «предвестником». Редкие добросовестные исследователи Прудона уже обращали внимание на то, что к авторитету его часто взывают в поддержку таких проектов, как Европейский союз, Соединенные штаты Европы или же Европейская федерация. Ж. Лажюжи, нынешний декан экономического факультета Бордоского университета, писал по поводу последнего издания прудоновского «Федеративного принципа»: «Прудона иногда представляют пионером европейского федерализма в выражениях, которые, к несчастью, слишком ясно показывают, что те, кто наиболее шумно ссылаются на него, не всегда читали его»⁴⁴. Наблюдение правильное, но далеко не объясняющее суть дела, которая состоит не в простом незнании Прудона. В данном случае мы встречаемся с новым проявлением приспособления прудонизма к потребностям идеологической борьбы нашего времени. При этом оказывается, что федеративные идеи Прудона идут на изготовление заманчивых идеологических упаковок, социально окрашивающих, прикрашивающих и рекламирующих такие интернациональные новообразования, очевидной целью которых является увековечение раздела Европы на противостоящие политические и военные блоки, упрочение в ее капиталистической половине господства монополий, образование нового священного союза империалистической реакции против европейских стран социализма и европейского рабочего движения.

В 1965 г. по случаю столетия со дня смерти Прудона профессор парижского «Центра по подготовке журналистов» Б. Вуайен заявил в органе «европейских федералистов»: «Тот, кого можно было называть с полным правом «отцом федерализма», является в силу этого титула одним из наиболее пронизательных предвестников Европы. Но, конечно, не Европы комитетов и националистических камуфляжей, а Европы плана Шумана и комиссии Хальштейна... Эта Европа должна многому научиться у Прудона»⁴⁵. Чему же, собственно, должна научиться хальштейновская «Европа» у Прудона? Ведь его «федеративный принцип» смотрел из XIX в. также не в будущее, а в прошлое и вносил во вторую половину этого столетия государственные и социальные идеи века докапиталистического. Тогда как историческое развитие буржуазных наций и их капиталистическая экономика неотвратимо вели к объединению раздробленных национальных террито-

⁴³ Название известного произведения Прудона «Du principe fédératif» (1863).

⁴⁴ «Revue d'histoire économique et sociale», 1959, № 4, p. 478.

⁴⁵ В. Вуайен. Proudhon, le fédéralisme et l'Europe. «Communauté européenne». 1965, № 12, p. 19.

рий, к централизации буржуазных государств, Прудон проповедовал прямо противоположный курс исторического развития. Он призывал к превращению европейских государств в забытые объединения маленьких «локальных республик», состоящих из автономных сельских и городских общин, округов, департаментов и провинций, а также мютюэлистских рабочих ассоциаций. Эти «локальные республики» должны были вступать между собой в такие договорные отношения, которые сохраняли бы им максимальную независимость от центральной федеральной власти в экономической жизни, культурном строительстве и т. д. Таким образом, «федеративный принцип» Прудона никак не соответствует монополистическим основам «Европы трестов». В основе капиталистического монополий, а следовательно, и государственного и интернационального монополистического капитала лежит всестороннее, экономическое и политическое, стремление к насилию, переводимое на язык всеподчиняющего крупному капиталу властвования, сочленения, объединения, слияния. Основной же идеей прудоновского «федеративного принципа» являлось, наоборот, стремление разъединить и уравновесить все, что можно делить и дробить, — территорию, административную систему, хозяйство, государственную власть, представительство гражданских интересов.

Каким же образом вписать эту прудоновскую идею в реальный процесс интернационализации хозяйственной жизни современного империализма, в растущее переплетение монополистических капиталов разных стран при их бешеной борьбе за рынки и прибыли, в создание монополистического единого фронта против рабочего движения, демократии и социализма? Словом, как можно предложить Прудона в наставники хальштейновской «Европе»? Ответ на этот вопрос также дают материалы брюссельского коллоквиума, где проблема «актуальности Прудона» рассматривалась преимущественно в свете федеративных идей. Участники коллоквиума воскрешали в памяти тот факт, что Прудон исходя из своего «федеративного принципа» ополчился против национальной идеи и национально-освободительных движений в Европе, что он осуждал борьбу за независимость Польши и объединение Италии, оправдывал австрийскую тюрьму народов — Габсбургскую империю, что он поддерживал сепаратистов рабовладельческого Юга в гражданской войне в США, рисуя рабство негров более благодетельным для них, чем система свободного наемного труда капиталистического Севера Соединенных Штатов. Отсюда и лейтмотив ряда выступлений на брюссельском коллоквиуме: атлантическая Европа может поучиться у Прудона осуждению национальной идеи и борьбы народов за национальную независимость. Дискуссия на коллоквиуме, вращавшаяся в орбите реакционных взглядов Прудона, демонстрировала саморазвитие идейного банкротства неопрудонизма.

Французская «специалистка» по антикоммунизму А. Крижель открыто солидаризировалась с реакционными тезисами Прудона относительно Габсбургской империи как оплота европейского порядка. Отрицая какую-либо историческую закономерность распада Австро-Венгрии, она рассуждала: «Прежде чем радоваться тому, что было уничтожено, надо еще видеть, что же пришло на смену и является ли это прогрессом». Крижель вздыхала о тех «страшных катастрофах, в которые мы были вовлечены во имя принципа самоопределения наций» и от которых, возможно, были бы избавлены, «если бы последовали за Прудоном, считавшим необходимым исходить из статус-кво 1815 года»⁴⁶. На данном примере нетрудно убедиться, куда проецируется прудоновский «федеративный принцип» в сегодняшний день Евро-

⁴⁶ «L'actualité de Proudhon», p. 167.

пы. Руководитель организовавшего коллоквиум бельгийского «Национального центра европейских социологических и экономических исследований» Р. Риффле усматривал особую актуальность идей прудоновского федерализма в том, что они направлены против «мифа» о нации и национальном государстве. Федеративные идеи Прудона, доказывал Риффле, позволяют «возобновить судебный процесс над нацией», они дают возможность «спуститься с концепции «права нации на самоопределение», в корне иррациональной и тоталитарной, к праву человека на самоопределение»⁴⁷. По-видимому, бельгийский неопрудонист уповает на то, что с помощью такой интерпретации «федеративный принцип» Прудона может помочь устранению главной и самой серьезной помехи, «парализующей усилия, направленные на то, чтобы преодолеть анархию патриотизмов и построить наднациональные общества, организующие в правовом порядке отношения между людскими коллективами, обладающими широкой автономией...»⁴⁸. На этих мыслях Риффле сомкнулись звенья идейной эволюции неопрудонизма и образовалась замкнутая цепь: от анархизма через «федеративный принцип» к борьбе против «анархии патриотизма». При этом решительным образом меняется социальный смысл прудоновского «федеративного принципа»: из мелкобуржуазной реакции на процесс формирования национальных буржуазных государств он превращается в рупор монополистической «интеграции», в средство идеологического разрушения антиимпериалистических национально-освободительных движений.

Характеристика производимой в современном прудонизме пластической операции идейного облика Прудона была бы неполной, если бы мы не отметили еще одной важнейшей ее особенности. По мере нарастания успехов социализма, триумфа идей К. Маркса неопрудонисты все чаще снимают прежнюю альтернативную постановку вопроса — Прудон или Маркс. Все яснее выявляется их стремление предстать марксизм и прудонизм соединимыми учениями, «скорректировать», «дополнить» марксизм прудонизмом, или, что лучше всего, «синтезировать» их. В отходе от позиций воинствующего прудонизма нужно, конечно, видеть самое выразительное, хотя и невольное, признание победоносной силы идей марксизма-ленинизма. Но несомненно также и то, что перед нами перестройка стратегии и тактики идеологической борьбы против марксизма-ленинизма, учитывающая новое соотношение сил на поле битвы. Неопрудонизм оказался чутким барометром буржуазной идеологической погоды, способным улавливать перемены ее веяний. Он высказал идею «конвергенции идеологий» еще ранее, чем сколько-нибудь четко была сформулирована эта наимоднейшая теория антикоммунизма. Наиболее дальновидные неопрудонисты нащупывали эту мысль с первых лет после второй мировой войны. В тогдашней обстановке они писали: «Если бы возможна была полнейшая беспристрастность, можно было бы попробовать сказать, что Маркс и Прудон друг друга дополняют именно потому, что они противостоят друг другу, потому что являются тезисом и антитезисом триады, синтез которой мог бы примирить их посредством соединения их сил»⁴⁹. Вскоре ветры «холодной войны» надолго рассеяли робкие поползновения мыслей о «конвергенции» марксизма и прудонизма. Теперь эти мысли возродились и высказываются уже настойчивым, хотя и нестройным хором. Студентам Сорбонны Ж. Гурвич в 1964 г. доказывал: «Мысли Прудона и Маркса взаимно дополняются и корректируются. Они не исключают друг друга даже тогда, когда они противоречат одна другой. Конечно, различные попытки синтеза их до

⁴⁷ Ibid., p. 239.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Guy-Grand. Op. cit., p. 41.

сих пор терпели неудачу из-за того, что не возвысились до уровня этих двух братьев-врагов. Но последнее слово еще не сказано. Синтез этот гораздо больше продвинулся вперед в реальных фактах, чем в области доктрин. Однако я уверен, что уже не заставит долго ждать себя новая концепция, которая превзойдет одновременно и Прудона и Маркса»⁵⁰. Идея такого «синтеза» получила поддержку с разных сторон и на брюссельском коллоквиуме об «актуальности Прудона». А. Крижель выразила согласие с тем, что существует путь «между Прудонем и Марксом, с Прудонем и Марксом», путь, по которому «можно идти», и напомнила в этой связи об Э. Бернштейне, «которого справедливо обвинили в возврате к прудонизму»⁵¹. Р. Риффле также не преминул безоговорочно присоединиться к идее Гурвича о синтезе мысли К. Маркса и Прудона⁵².

Все эти рассуждения о желательном «синтезе» марксизма и прудонизма абсолютно порочны, они исходят из смешения природы научного пролетарского социализма и социализма мелкобуржуазного и буржуазного. Марксизм тем и отличается, между прочим, от прудонизма, что он не ассимилирует чужеродные идеи и тем более не синтезирует их со своей теорией, не идет ни на какие идеологические компромиссы. Неисчерпаемая сокровищница социализма постоянно раскрывает богатство своих идей. Но тщетны все попытки буржуазных и реформистских идеологов присоединить Прудона к этой сокровищнице. Никакие попытки воскрешения мертвых идей, отброшенных историей, никакие изощренные пластические операции над этими идеями не могут позволить навязать их сокровищнице социализма. В борьбе идеологий побеждает та, за которой стоит сила исторического развития. История подтвердила великую правоту научного коммунизма Маркса — Энгельса — Ленина.

⁵⁰ G. Gurvitch. Proudhon et Marx, pp. 143—144.

⁵¹ «L'actualité de Proudhon», p. 104.

⁵² *Ibid.*, p. 251.